

Фонвизин Сергей Иванович

**Семь месяцев в Египте и
Палестине**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С32

С32 **Сергей Иванович Ф.**
Семь месяцев в Египте и Палестине / Фонвизин Сергей Иванович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 198 с.

ISBN 978-5-521-28538-9

ISBN 978-5-521-28538-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Отъ Петербурга до Каира.

Между Петербургомъ и Одессой—съ полдюжины поѣздовъ прямого сообщенія. Удобнѣйшій изъ нихъ отходитъ въ 9 часовъ вечера. Вагонъ перваго класса—совсѣмъ хорошъ. Отдѣлка въ стилѣ *moderne*—очень изящная; въ проходѣ—цѣльныя зеркальныя окна; освѣщеніе—мало того что электрическое, но въ каждомъ отдѣленіи особая лампочка, которую можно или вѣшать на стѣну, или ставить на столъ; рядомъ все время—вагонъ ресторана; даже проводникъ не пребываетъ, какъ обыкновенно, въ хроническомъ отсутствіи, а является съ должной быстротой на нажимъ электрической кнопки. И, тѣмъ не менѣе, наши родные «авось, небось и какъ-нибудь» не могли не сказаться и тутъ. Просыпаемся утромъ,—что такое? На коврѣ, между диванами, порядочная лужа. Оказывается, изъ вентилятора капаетъ. Посмотрѣли въ окно,—дождь такъ и льетъ. Зовемъ проводника, забывшаго, вѣроятно, завинтить вентиляторъ. Не тутъ то было. Что онъ съ нимъ ни дѣлалъ, какъ ни старался, а изъ него капало себѣ да капало... такъ почти до самой Одессы и прокапало. Тоже происходило и въ вагонѣ-ресторанѣ, но въ большемъ размѣрѣ. Тамъ на полу стояли цѣлыя лужи, вентиляторы превратились въ форменныя души, и всѣ, подъ нихъ попадавшіе, получали изрядную порцію холодной влаги.

Въ день отъѣзда изъ Петербурга погода стояла солнечная, ясная, но при сильномъ, холодномъ вѣтрѣ; потомъ, почти двое сутокъ—дождь, а въ Одессѣ—опять синее небо и яркое солнце. Но для Юга и времени года (22-ое сентября), какъ будто, холодновато: всего 6° въ тѣни.

Мы уже были въ Одессѣ года два назадъ и тогда останавливались въ очень порядочной гостиницѣ—«Бристоль»; теперь же, вопреки мудрой, но малосоотвѣтствующей человѣческому характеру пословицѣ: «отъ добра добра не ищутъ»,—рѣшили по-

мѣститься въ «лучшей» изъ всѣхъ мѣстныхъ гостиницъ—«Лондонской». И... раскаялись. Положимъ, мѣстоположеніе—Николаевскій бульваръ—прекрасное, зданіе красивое, но и только. Номеръ, по дѣлѣ неважный, а кухня и прислуга никуда не годятся. Опытъ меня убѣдилъ, что почти безошибочнымъ критеріемъ достоинства гостиницы является сравнительная быстрота съ какой прислуга отзывается на звонокъ. Если вамъ приходится звонить нѣсколько разъ, можете быть увѣрены, что найдутся и другіе, болѣе существенные недостатки. Тотчасъ по пріѣздѣ намъ потребовался комиссіонеръ. Звоню разъ, другой, третій,—ну, думаю, дѣло дрянъ. Спускаемся въ столовую. Обѣдъ, въ 2 рубля, прескверный. Какъ зелень—шпинатъ съ яйцами, а на жаркое—хотя и бекасы, но совершенно тухлые. Закуска, съ рюмкой водки, 75 копѣекъ, а $\frac{1}{2}$ бутылки мартовскаго пива—65 копѣекъ. Кушанья приносятся особыми мальчиками, а лакеи, хотя и въ ливрейныхъ фракахъ, но служатъ крайне небрежно, съ видомъ разсѣянно-снисходительнымъ, занимаясь болѣе разговорами другъ съ другомъ и нѣкоторыми изъ habitués. На слѣдующій день мы пошли обѣдать, по старой памяти, въ «Бристоль», гдѣ за 1 рубль 25 копѣекъ, насъ накормили гораздо лучше. Словомъ, «Лондонская гостиница»—далеко ниже своей репутаціи. Возможно, что когда-нибудь и была «лучшей», но составивъ себѣ извѣстность, успокоилась и понемногу стала опускаться.

Морское сообщеніе между Одессой и Александріей поддерживается пароходами Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Существуютъ двѣ линіи: прямая и круговая. Пароходы прямого сообщенія—ихъ три: «Чихачевъ», «Ольга» и «Николай»—всѣ одного типа—отходятъ еженедѣльно, по субботамъ и приходятъ въ Александрію въ пятницу.

Когда, около 10 часовъ утра, мы подъѣхали къ пристани, на палубѣ парохода толпилось столько народа, что даже сопровождавшій насъ юркій комиссіонеръ—изъ еврейчиковъ, конечно, обѣщавшій намъ добыть отдѣльную каюту, недовольно поморщился. Къ счастью, какъ его, такъ и наши опасенія оказались неосновательными. Когда раздался послѣдній звонокъ, удалившій провожавшихъ и просто любопытныхъ, палуба, приняла довольно пустынный видъ. Пароходъ заревѣлъ и сталъ медленно поворачиваться на буксирѣ. Раздались прощальные возгласы, замахали платками и шляпами. Какая-то толстая пьяная баба, провожавшая со слезами и громкимъ причитаніемъ юнаго, безусаго солдатика, теперь вдругъ подбоченилась и съ визгомъ пустилась въ плясъ. Но вотъ—предъ нами свободное пространство, буксирная веревка шлепнулась въ воду, раздалась команда:

«полный ходъ!»—и вскорѣ прощальные платки обратились въ бѣлыя точки, а далекій берегъ потускнѣлъ и затуманился.

Прощай Россія! Прощай бѣдная родина, гдѣ борьба за высокій идеалъ свободы, неприкосновенности и достоинства личности, въ конечномъ результатѣ, привела къ полному отрицанію этого идеала; гдѣ правительственный деспотизмъ смѣнился несравненно тягчайшимъ, партійнымъ; гдѣ воровство и грабежъ гордо именуются экспроприаціей, а палачи и убійцы величаются героями; гдѣ добытая свобода выражается въ бойкотѣ и казняхъ за противныя убѣжденія, а «товарищи» разныхъ толковъ и наименованій, отвратительно загадивъ идею освободительнаго движенія, свели ее исключительно на вопросы брюха, къ немудрой формулѣ: «*ote toi de la que je m'y mette*»; гдѣ истинно свободному человѣку трудно дышать въ атмосферѣ всяческихъ насилиій и разнузданнаго хамства...

Звонокъ къ завтраку прервалъ невеселыя думы.

Пассажировъ было немного: членъ константинопольской археологической комиссіи—небольшого роста, близорукій блондинъ—съ сестрой болѣзненнаго вида, которую онъ везъ къ себѣ на поправку; двое господъ—одинъ постарше, другой помоложе—изъ Кіева; пожилые супругъ съ супругой изъ Одессы, да турецкій чиновникъ съ женой, довольно красивой, но слишкомъ ярко одѣтой дамой. За нашимъ же столомъ возсѣдалъ и капитанъ—морякъ знающій и дѣльный,—но... какъ бы это выразить помягче—нѣсколько... суровый. Онъ далеко не всѣхъ удостоивалъ разговоромъ, а на предлагаемые вопросы или не отвѣчалъ вовсе, или же отвѣчалъ такъ, что отбивалъ всякую охоту къ дальнѣйшему проявленію пассажирской любознательности. Положимъ, послѣдняя—безгранична. Пассажиры, въ особенности туристы, обладаютъ способностью вопрошать съ утра до вечера, чѣмъ и могутъ довести мало-мальски нервнаго человѣка до бѣлаго каленья. Думается, это обстоятельство должно служить нѣкоторымъ оправданіемъ суровости капитана. Въ особенности отъ него доставалось одной барынѣ... впрочемъ, объ этомъ потомъ, такъ какъ особа, о которой идетъ рѣчь, сѣла на пароходъ позже, въ Константинополь.

Первый день—море, хотя и не зеркальное,—было спокойно; на слѣдующее же утро началась довольно непріятная боковая качка, такъ что нѣкоторые изъ пассажировъ сочли болѣе благо-разумнымъ не выходить изъ каютъ до самого Босфора, куда мы подошли въ третьемъ часу. Описывать тысячу разъ описанное—задача неблагодарная. Ограничусь поэтому замѣчаніемъ, что я видѣлъ Неаполь съ моря и ни только не почувствовалъ желанія

умереть, но даже не ощутилъ особаго восторга, и что теперь Босфоръ произвелъ на меня гораздо болѣе сильное впечатлѣніе. Оба его берега живописно-возвышенны, кое-гдѣ прекрасная растительность, много красивыхъ зданій, дворцовъ и виллъ. Мнѣ лично Босфоръ болѣе всего напомнилъ, въ увеличенномъ масштабѣ конечно, нѣкоторыя части сѣверныхъ итальянскихъ озеръ.

Около 4-хъ часовъ подошли къ Константинополю. И на него видъ съ моря очень и очень недуренъ.

Среди окружавшихъ пароходъ лодокъ я замѣтилъ одну, съ надписью на флагѣ: «Palace Hôtel». Эту гостиницу намъ рекомендовали и, хотя субъектъ, возсѣдавшій въ лодкѣ, не внушалъ своей наружностью особаго довѣрія, мы ввѣрили ему себя и свои вещи. Но на берегу, около таможенъ, къ намъ подлетѣлъ другой типъ, который сталъ клясться и божиться, что избранный нами «Palace Hôtel»—дрянь, а надо ѣхать въ другой, его «Palace Hôtel»; когда же, въ недоумѣніи, я обратился за разъясненіемъ къ чиновнику, провѣрившему паспорта, послѣдній, выругавъ предварительно обоихъ субъектовъ, съ гордостью заявилъ, что въ Константинополѣ всѣ гостиницы—palas'ы... При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, мы рѣшили положиться на судьбу и остаться вѣрными субъекту номеръ первый. Каково же было наше удивленіе, когда у крыльца гостиницы мы были встрѣчены субъектомъ номеръ второй. Получая отъ хозяина извѣстную сумму за каждого доставленнаго пассажира, они оба старались объ одномъ и томъ же, причемъ въ таможенѣ чуть-чуть не передрались.

Строгая таможня въ Константинополѣ... Надо было видѣть торжествующе-озабоченную фізіономію таможеннаго чиновника, съ которою онъ извлекалъ изъ нашего дорожнаго несессера и внимательно разсматривалъ два невиннѣйшихъ французскихъ романа и нѣсколько иллюстрированныхъ прибавленій къ «Новому Времени», оказавшихся опасными для турецкой нравственности... Да, подданные Его Величества Султана могутъ спать спокойно: ихъ невинность ограждается самымъ тщательнымъ образомъ. На другой день, при возвращеніи на пароходъ, намъ эту опасную литературу вернули.

Дорога отъ порта—Галата—до европейской части города—Перы—идетъ узенькими, грязными, вонючими улипами, да и главная его артерія—«Grande rue du Pera»—не многимъ лучше. Тамъ же, т. е. на Grande rue, пресловутый «Palace Hôtel», оказавшійся далеко не palas'омъ. Третьеразрядная гостиница—не выше, хотя цѣны подстать перворазряднымъ. Номеръ холодный и голый, съ

какими-то несуразными кроватями: одна еще туда-сюда, а другая—размѣровъ необъятныхъ, человѣкъ на пять, по крайней мѣрѣ.

До обѣда прошлись по *grande rue*. Она длинная, но очень неширокая, съ узенькими тротуарами, а мѣстами и совсѣмъ безъ оныхъ. Шумно и людно, причемъ публика сплошной стѣной двигается по всей ширинѣ улицы, шарахаясь, какъ стадо овецъ при проѣздѣ экипажей.

На каждомъ шагу—чистильщики сапогъ, что совершенно понятно, такъ какъ грязь непомѣрная. Много разряженныхъ барынь, много бѣлыхъ платьевъ, что, въ виду той-же грязи, производитъ странное впечатлѣніе. Десятки, сотни собакъ. Эти привеллигированныя животныя—некрасивыя, грязныя, паршивыя—преспокойно располагаются на тротуарахъ, то поодиначкѣ, свернувшись колечкомъ, то по нѣсколько штукъ—голова одной на хвостѣ другой—и не обращаютъ рѣшительно никакого вниманія на толпу, которая старательно ихъ обходитъ. Стоить, однако, забрести въ извѣстный районъ чужой собакъ, и всѣ мѣстныя, какъ одна, на нее бросаются и съ неистовымъ визгомъ и лаемъ начинаютъ преслѣдовать.

По дорогѣ зашли въ какой-то садъ, гдѣ играла музыка. Въ саду—ресторанъ и передъ нимъ площадка, съ разставленными столиками, и недурнымъ видомъ на Золотой Рогъ. Много разряженной публики, въ особенности дѣтей. Оркестръ—военный, съ репертуаромъ изъ итальянскихъ оперъ—играетъ громко и въ ускоренномъ темпѣ. Входъ въ садъ—1 піастръ (8 коп.). Кажется, денегъ немного и, тѣмъ не менѣе, константинопольскіе нравы сказались и тутъ: при сдачѣ, кассиръ умудрился обчитать меня на 2 копѣйки, слѣдуя, вѣроятно, пословицѣ: курочка по зернышку клюетъ.

Сравнительно съ Одессой, потеплѣло значительно. Еще утромъ, на пароходѣ было 13°, днемъ—15°, а здѣсь мы уже гуляли въ однихъ платьяхъ.

Обѣдъ въ *Palas'* оказался сѣдобнымъ, но столовая—крошечная, обстановка убогая. Когда-же въ одиннадцатомъ часу, я позвонилъ горничную, чтобы она оправила постели и принесла горячей воды,, она явилась совсѣмъ заспанной, а горячей воды, за позднимъ (?) временемъ, и совсѣмъ не оказалось.

На слѣдующее утро взяли проводника и поѣхали осматривать городскія достопримѣчательности. Успѣли побывать въ св. Софіи, поражающей размѣрами, массою свѣта, голымъ, холоднымъ видомъ и грязными хорами, съ побитыми въ окнахъ стеклами и кучами голубинаго помѣта; въ императорскомъ музеѣ, гдѣ ве-

ликолѣнна гробница Александра Македонскаго, хотя принадлежность ея великому полководцу находится подъ сомнѣніемъ; на живописномъ ипподромѣ, съ тремя колоннами, и обелискомъ, и въ мечети Сулеймана, очень красивомъ зданіи, съ прекраснымъ видомъ на Босфоръ. Недалеко отъ послѣдней находится площадка съ массой голубей и пятью нищами, сидящими въ равномъ другъ отъ друга разстояніи. Нищіе продаютъ пшено, которое тутъ же бросаютъ голубямъ. Симпатично и остроумно: одной милостынею кормятся и люди и животныя.

Прошлись и по большимъ базарамъ, гдѣ торговцы хватаютъ за руки и чуть не силой тащатъ въ лавки. Тамъ же и завтракали, — по словамъ проводника—въ лучшемъ и посѣщаемомъ всеми туристами ресторанѣ «Мегердичъ-Токашманъ». Достаточно вкусно, но обстановка опять неважная. Потомъ заѣхали въ гостиницу за вещами и около шести часовъ вечера вернулись на пароходъ.

Если сравнивать Константинополь съ благоустроеннымъ европейскимъ городомъ, то онъ, конечно, не выдерживаетъ критики. Узкія улицы, грязь, вонь, отвратительныя мостовыя, плохое освѣщеніе, тысячи скверныхъ псовъ и ихъ привеллигированное положеніе,—все это для мало-мальски культурнаго человѣка въ достаточной мѣрѣ нестерпимо. Но восточная оригинальность и какая-то мягкая выдержанность толпы дѣйствуютъ подкупающимъ образомъ. Константинопольская толпа шумлива, но вѣжлива и благопристойна. Трудно себѣ и представить, что происходило бы, напримѣръ, у насъ на такихъ узкихъ улицахъ, при такомъ огромномъ движеніи какъ пѣшемъ, такъ и конномъ. Сколько несчастныхъ случаевъ, столкновеній, криковъ, брани... Положимъ, здѣсь кучера и извозчики не распускаютъ вожжи и не считаютъ галокъ, а пѣшеходы также глядятъ въ оба; положимъ, здѣсь—да и вездѣ въ Европѣ—отношеніе къ столкновеніямъ между экипажемъ и пѣшеходомъ совсѣмъ иное. У насъ всегда виноватъ кучеръ, здѣсь, за рѣдкими исключеніями, пѣшеходъ: не зѣвай! У насъ даже мелкій чиновникъ, въ своемъ департаментѣ то и дѣло присѣдающій направо и налево, лишь очутится на улицѣ, сразу разбухаетъ отъ сознанія своего величія и съ огромнымъ нахальствомъ лѣзетъ подъ экипажъ, тыча палкой въ морду лошади, а то и въ фізіономію извозчика, который, по его мнѣнію, обязанъ сворачивать предъ его особой. Само собою разумѣется, что подобные нахалы, попадая въ Парижъ, напримѣръ, совершенно спокойно ждутъ по нѣсколько минутъ возможности перейти черезъ бульвары. Тамъ имъ и въ голову не придетъ поднять палку, такъ какъ они знаютъ, что тотчасъ же попадутъ за это въ участокъ. Правда и то, что за-границей сво-

бода существуетъ для людей мирныхъ и благовоспитанныхъ; у насъ же, особенно въ послѣднее время, исключительно для нахаловъ и хамовъ.

На пароходѣ мы узнали, что нѣсколько пассажировъ не могли попасть въ Константинополь, такъ какъ у нихъ не были визированы паспорта. Лишь только пароходъ броситъ якорь и вплоть до его отхода, около него, день и ночь, прыгаетъ по волнамъ утлая лодченка, подъ краснымъ флагомъ, съ надписью: «police». Возсѣдающій въ ней чиновникъ осматриваетъ паспорта и, при малѣйшемъ изъянѣ, возвращаетъ пассажира на пароходъ. Говорятъ, однако, что бываютъ случаи, когда на берегъ не пускаютъ и при безукоризненномъ паспортѣ. Для этого, будто бы, достаточно, чтобы полицейскій чинъ нашелъ вашу физиономію подозрительной. Впрочемъ, чего же ожидать отъ порядковъ города, осужденнаго не имѣть электрическаго освѣщенія, вслѣдствіе сходства словъ: динамо-машина и динамитъ.

Въ довольно тяжеломъ положеніи очутилась одна барыня. Она въ Константинополѣ должна была пересѣсть на другой пароходъ, чтобы ѣхать въ Салоники. Паспортъ ея былъ визированъ, но съ отмѣткой: «Bon pour Salonique». И вотъ, вслѣдствіе чисто формальнаго упущенія, отсутствія добавочныхъ словъ: «et pour Constantinople», ей не позволили съѣхать на берегъ. Между тѣмъ, ея пароходъ еще не пришелъ и когда придетъ—никто не знаетъ; а завтра утромъ мы уйдемъ и ей придется провести неизвѣстно сколько времени, сидя въ лодкѣ, или на какой-нибудь грязной баркѣ, быть можетъ подъ дождемъ и въ бурю.

Пассажировъ прибавилось порядочно, въ первомъ классѣ—человѣкъ пятнадцать. Между ними—два контраста: дама колоссъ, размѣровъ, какъ въ вышину, такъ и ширину по истинѣ необъятныхъ, съ грудью, на которой легко могъ устояться цѣлый подносъ, съ кофейнымъ приборомъ на двоихъ, и съ такою же турнюрной частью,—и другая—крошечная, миньятюрная,—съ полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо округлостей, желтоватымъ личикомъ и острымъ носикомъ,—въ общемъ—совсѣмъ обезьянка, но очень недурно одѣтая, путешествующая съ массою багажа, собственнымъ longue-chaise и съ переплетенной въ матерію тетрадкой, въ которой она усердно что-то царапала. Послѣдняя тотчасъ же рекомендовалась дочерью извѣстнаго врача и близкой знакомой нѣсколькихъ министровъ и другихъ, не мѣлѣе именитыхъ государственныхъ и иныхъ мужей. Происходило это за завтракомъ и суроваго капитана такое хвостовство, видимо, коробило.

— Капитанъ, сколько стоитъ телеграмма изъ Пирея въ Петербургъ?—съ милой улыбкой обращается къ нему обезьянка.

— Справьтесь на телеграфъ, сударыня,—отрѣзываетъ капитанъ.

Обезьянка удивленно на него взглядываетъ и, полагая очевидно, что онъ еще не сообразилъ, съ кѣмъ имѣеть счастье бесѣдовать, рѣшается его поразить.

— А, скажите, пожалуйста, примутъ отъ меня телеграмму на имя министра N. N.?

— А развѣ господину N. N. запрещено получать телеграммы? Въ первый разъ слышу.

Обезьянка конфузится, совсѣмъ не того впечатлѣнія ожидала она отъ министра.

— Да... нѣтъ... завтра... Завтра, видите-ли, годовщина Горнаго-Дубняка и необходимо его поздравить.

— Съ чѣмъ, позвольте узнать?—И маленькіе глазки капитана насмѣшливо прыгаютъ.

— Ахъ, онъ въ этотъ день былъ раненъ.—Недоумѣвающее поднятіе плечъ и ироническое хихиканье.

— Нашли съ чѣмъ поздравлять, сударыня!

Обезьянка окончательно теряется и умолкаетъ. Однако, подъ конецъ завтрака дѣлаетъ еще попытку. Съ кроткою, но обворожительной улыбкой и почти умоляющимъ голосомъ, она нѣжно вопрошаетъ:

— Капитанъ, въ которомъ часу мы придемъ въ Пирей?

Но у капитана, очевидно, кожа толста, его ничѣмъ не проймешь.

— Согласно росписанію, сударыня.—И, сложивъ салфетку, онъ встаетъ и быстро удаляется.

Обезьянка негодующимъ взглядомъ обводитъ присутствующихъ, выскакиваетъ на палубу и хватаетъ переплетенную тетрадь. Ея карандашъ такъ и прыгаетъ по страницамъ, имъ, видимо, управляетъ чувство оскорбленнаго достоинства и глубокаго негодованія. Потомъ она подходитъ къ борту и мечтательно задумывается и вдругъ стремительно атакуетъ проходящаго пароходнаго врача. Тутъ ей везетъ больше, такъ какъ врачъ молодъ и застѣнчивъ. Въ свою очередь ея контрастомъ—мастодонтистой барыней—увлекается упитанный толстолицый англичанинъ,—большой, вѣроятно, любитель готтентотскихъ женскихъ особенностей.

По росписанію, мы должны были придти въ Пирей на слѣдующій день ровно въ часъ, а уйти—«по окончаніи операцій, не ранѣе 5-ти часовъ». Слѣдовательно, можно съѣхать на берегъ

и побывать въ Афинахъ. Но пароходъ опоздалъ на два часа. Понятно, что пассажировъ, желавшихъ осмотрѣть Афины—а таковыхъ было большинство,—очень интересовалъ вопросъ, отойдетъ-ли пароходъ, согласно росписанію, въ 5 часовъ,—тогда не стоило и сѣзжать—или же, въ виду двухчасового опозданія, и остановка будетъ соотвѣтственно увеличена. Вотъ тутъ-то, въ особенности, сказалась несообщительность, даже, пожалуй, нелюбезность капитана. Онъ упорно отмалчивался и лишь послѣ того, какъ пароходъ бросилъ якорь, вывѣсилъ объявленіе, что онъ отойдетъ въ 6 часовъ. Времени, какъ будто, маловато, но мы все же рѣшили ѣхать. Къ намъ присоединились двое господъ изъ Кіева, пожилые супругъ съ супругой изъ Одессы и обезьянка. Сговорившись съ однимъ изъ явившихся проводниковъ, сѣли въ лодку и черезъ нѣсколько минутъ были на берегу. Да, забылъ упомянуть, что въ Пирей произошла встрѣча мастодонтистой барыни съ ея супругомъ,—командиромъ, или старшимъ офицеромъ одного изъ стоявшихъ тамъ военныхъ судовъ. Супругъ—мущина хорошаго средняго роста и плотнаго сложенія—попавъ въ объятія супруги, совсѣмъ потонулъ въ нихъ, казался лилипутомъ въ объятіяхъ гунгма.

Пирей—гавань Афинъ—небольшой и мало интересный портовый городокъ. Впрочемъ, онъ является удобнымъ мѣстомъ сообщенія съ западной Европой, чрезъ Патрасъ и Бриндизи. Отъ пристани до станціи электрическаго трамвая—нѣсколько минутъ ходьбы. Поѣзда отправляются каждые полчаса, ѣзды 20 минутъ. По дорогѣ—дачная мѣстность—Фалеръ,—съ красивыми виллами.

Размѣстились въ двухъ ландо и поѣхали. Видѣли публичную бібліотеку, университетъ, академію, мѣсто для олимпійскихъ игръ (амфитеатръ), подаренный городу богатымъ александрійскимъ купцомъ Северо и неособенно красивый королевскій дворецъ; за то дворцы двухъ сыцовой короля Константина и Георгія—очень недурны. Улицы прямая, достаточно широкія, мостовыя прекрасныя. Вообще, городъ красивый и кажется чистымъ и благоустроеннымъ.

Встрѣтили похороны. Хоронили старуху, должно быть изъ важныхъ, такъ какъ нашъ проводникъ въ большой, слѣдовавшей за гробомъ, хорошо одѣтой толпѣ указалъ намъ какого-то министра, чѣмъ привелъ въ полный восторгъ обезьянку. Но гробъ несли на рукахъ, открытый, а роль пѣвчихъ исполняли одинъ дьячекъ. Въ толпѣ провожавшихъ—дамы шли отдѣльно отъ мужчинъ, впереди.

Наконецъ, вотъ и Акрополь... Съдая старина! Мгновенно ожили сохранившіеся въ памяти величавые образы классиче-

ской древности... Вотъ храмъ Юпитера, съ ведущими къ нему Воротами Адриана, храмъ Тезея, Побѣды, Минервы, наконецъ—Парфенонъ; у его подножія—Театръ Бахуса. Вотъ—темница «мудрѣйшаго изъ людей», кончина котораго доказала такъ давно и столь наглядно, что предразсудки толпы, основанные на ея пошлости и глупости,—всесильны. Есть и достопримѣчательности скорѣе апокрифическаго характера. Нашъ проводникъ, напри-мѣръ, указалъ намъ гробницу у подножія Акрополя, въ которой, будто бы, похороненъ какой-то юноша, влюбившійся въ дочь знатной особы и, вслѣдствіе получепнаго отказа, бросившійся внизъ со скалы.

Съ высоты Акрополя—чудный видъ. Внизу живописно раскинулись Афины, за ними—въ туманной дымкѣ вырисовываются громады отдаленныхъ горъ; съ Юга—Пирейская гавань и безбрежное море; вдали, на фонѣ бирюзоваго неба, рѣзко выдѣляются очертанія высокаго Георгіевскаго монастыря.

Подъ конецъ осмотра небо стало хмуриться и обратный путь мы совершили подъ довольно сильнымъ дождемъ. Въ Пирей, думая его переждать, зашли въ какую-то грязную таверну, гдѣ съ меня взяли за бутылку пива 2¹/₂ франка! Совсѣмъ по «гречески».

На пароходѣ—цѣлая толпа вновь прибывшихъ пассажировъ, такъ что за обѣдомъ всѣ столы были заняты. Для ѣдущихъ въ Египетъ и желающихъ насколько возможно сократить морской переѣздъ, Пирей удобнѣйшее мѣсто отправленія: отъ него до Александріи менѣе двухъ сутокъ.

Уже съ утра пятницы близость африканскаго берега давала себя чувствовать. Въ 9 часовъ утра—21° въ тѣни, солнце не грѣетъ, а жжетъ. Мало-по-малу начинаютъ вырисовываться очертанія большого города. Ближе... ближе и вами овладѣваетъ нѣкоторое чувство разочарованія. Ничего оригинальнаго, какая-то однообразная куча бѣловато-сѣрыхъ, казарменнаго вида построекъ. Но потомъ начинается нѣчто совершенно восточное. Не успѣлъ пароходъ остановиться, какъ его окружила цѣлая флотилія лодокъ, и десятки полуодѣтыхъ, черномазыхъ всѣхъ оттѣнковъ, начиная съ желто-кирпичнаго и до цвѣта блестящей ваксы, туземцевъ, какъ кошки, полѣзли по веревкамъ на палубу и съ непонятными гортанными выкриками заметались по ней, набрасываясь на пассажировъ, хватая ихъ вещи, такъ что отъ нѣкоторыхъ, болѣе ярыхъ, приходилось отбиваться палкой. Когда же пароходъ остановился, этихъ дьяволовъ набралось еще больше. Но теперь, среди оборванцевъ, попадаются фігуры болѣе солидныя, непонятные выкрики чередуются съ возгласами